Труды Киевской Духовной Академии

По академическимъ вопросамъ.

Въ август.—сентябрьской книгѣ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ за настоящій годъ (Прилож. стр. 259—270), въ числѣ документовъ, относящихся къ проекту новаго академическаго устава, напечатано, между прочимъ, „Отдѣльное мнѣніе“ проф. С. Т. Голубева, подписанное также проф. В. Ѳ. Пѣвницкимъ, К. Д. Поповымъ и покойнымъ М. Ф. Ястребовымъ. Названное „мнѣніе“,—повидимому, одно изъ всѣхъ представленныхъ Кіевской Академіей,—было читано полностью въ Предсоборномъ Присутствіи (ср. Церк. Вѣдом. 1906 г. № 48 стр. 65); наиболѣе же сенсаціонная часть его сообщена, кромѣ того, во всеобщее свѣдѣніе чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ (1906 г. № 21 стр. 1348). „Мнѣніе“, такимъ образомъ, получило широкую огласку; а стоящія подъ нимъ имена заслуженныхъ профессоровъ, безъ сомнѣнія, могли придать ему въ глазахъ многихъ и извѣстный авторитетъ.

Содержаніе „Отдѣльнаго мнѣнія“, однакоже, имѣетъ нѣкоторыя особенности, на которыя нельзя не обратить вниманія. „Мнѣніе“ направляется противъ выработаннаго коммисіей профессоровъ Кіевской Академіи и принятаго большинствомъ членовъ Совѣта проекта новаго академическаго устава. Но авторъ „мнѣнія“ проф. Голубевъ не ограничивается критикой проекта, а старается дать проекту тенденціозное освѣщеніе и возбудить противъ него опредѣленныя подозрѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ проф. Голубевъ позволяетъ себѣ всей академической корпораціи бросить

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

упрекъ въ шаткости, какъ онъ выражается, „религіозныхъ началъ православной церкви", полагая, что онъ можетъ привести въ доказательство этого и совершенно достовѣрные факты... Въ виду такихъ особенностей „Отдѣльнаго мнѣнія" мы считаемъ необходимымъ сдѣлать къ нему нѣсколько примѣчаній и поправокъ [1]).

Въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи проф. С. Т. Голубевъ не входитъ въ детальное разсмотрѣніе проекта, а ограничивается только установленіемъ, какъ онъ думаетъ, „началъ" академической реформы. „Реформа академій" говоритъ онъ, „можетъ быть совершена въ двухъ направленіяхъ: или въ духѣ разсматриваемаго проекта или на началахъ, нами намѣченныхъ". Такимъ образомъ, составитель отдѣльнаго мнѣнія усматриваетъ въ проектѣ особенный „духъ" и считаетъ этотъ духъ совершенно противоположнымъ устанавливаемымъ имъ началамъ. Прямо авторъ „мнѣнія" не говоритъ, въ чемъ собственно заключается особенный духъ проекта и какимъ образомъ проектъ противорѣчитъ устанавливаемымъ имъ принципамъ. Но изъ разсужденій и прозрачныхъ намековъ автора совершенно ясно, что собственно не нравится ему въ проектѣ комиссіи. По его мнѣнію, „комиссіей допущена была слѣдующая капитальная ошибка: она подмѣтила недуги нашихъ академій второстепенные, даже третьестепенные, и упустила изъ вида недугъ ихъ главный. Отсюда и сдѣланныя комиссіею измѣненія въ академическомъ строѣ, минуя главное и существенное, не достигаютъ намѣченной ею цѣли, а иногда даже и отдаляютъ отъ нея". Главнымъ недугомъ академій проф. Голубевъ считаетъ шаткость въ нихъ православныхъ началъ. Отсюда онъ говоритъ: „главная забота высшей Церковной власти при реформѣ академій должна быть направлена къ тому, чтобы создать въ нихъ

[1]) Настоящая статья печатается по желанію большинства членовъ корпораціи Кіевской Академіи.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

такое положеніе дѣлъ (такую религіозно-православную атмосферу), при которой указанный недугъ не могъ-бы имѣть мѣста".

Въ приведенныхъ словахъ, отмѣчаемыхъ авторомъ „мнѣнія" курсивомъ, повидимому, выражается первое начало академической реформы и указывается важнѣйшее упущеніе составленнаго комиссіей проекта. Но, по нашему мнѣнію, проф. С. Т. Голубевъ совершенно напрасно дѣлаетъ видъ, что онъ говоритъ нѣчто новое, устанавливаетъ какое-то начало, упущенное комиссіей изъ вниманія, или, какъ хочетъ собственно сказать проф. С. Т. Голубевъ,—отвергаемое ею. Убѣжденіе, что академія должна служить православной Церкви и что въ ней, слѣдовательно, должна быть, „религіозно-православная атмосфера", было исходнымъ пунктомъ и для составителей проекта. И въ объяснительныхъ запискахъ, и въ самомъ проектѣ объ этомъ говорится совершенно ясно и опредѣленно. Различіе между составителями проекта и проф. С. Т. Голубевымъ заключается вовсе не въ забвеніи указанной истины, какъ онъ несправедливо думаетъ, а въ выборѣ наилучшихъ способовъ достиженія академіями своихъ цѣлей. По мнѣнію комиссіи, ясно выраженному въ проектѣ, „православно-церковная атмосфера" въ академіи наилучше можетъ быть создана: надлежащей постановкой академической науки, углубленіемъ и расширеніемъ ея, а также дѣятельнымъ участіемъ въ академическихъ дѣлахъ всѣхъ членовъ академической корпораціи („внутреннее самоуправленіе"). По мысли проф. С. Т. Голубева, повидимому, достаточно сохранить духовнаго ректора для академій,а также и прежнее подчиненіе академій епархіальной власти (стр. 268), и все будетъ въ порядкѣ. Вотъ собственно въ чемъ различіе между составителями проекта и проф. С. Т. Голубевымъ. На чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ истина, объ этомъ можно, конечно, судить разно. Въ цѣлесообразности проектируемаго устава возможны, разумѣется, сомнѣнія. Но за то совершенно несомнѣнно, что рѣшеніе академической проблемы, предполагаемое С. Т.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Голубевымъ, очень ужъ просто и, смѣемъ думать, совсѣмъ не удовлетворительно даже съ точки зрѣнія самой его записки. То, чего онъ домогается, въ академіяхъ и было, и преизбыло; и все-таки, по его мнѣнію, началось разложеніе академій, и религіозно-нравственные устои академій настолько расшатались, что, судя по запискѣ, осталось только нѣсколько послѣднихъ могикановъ, вѣрныхъ старымъ традиціямъ...

Повидимому, подозрѣнія проф. Голубева противъ проекта особенно возбуждены тою частью объяснительной записки къ проекту, въ которой говорится о желательности для академій свободы богословскаго изслѣдованія. Замѣчанія автора отдѣльнаго мнѣнія, высказанныя по этому поводу, не вполнѣ опредѣленны. Сначала, онъ какъ будто соглашается съ запиской, заявляетъ, что „ученыя диссертаціи не суть символическія книги, и въ нихъ могутъ быть погрѣшности“, что „безъ свободы изслѣдованія немыслимо быстрое поступательное развитіе науки“, что онъ „не врагъ такой свободы“. Но въ то же время онъ говоритъ: „ошибочно думаютъ составители объяснительной записки, что академическія диссертаціи для полученія богословскихъ степеней суть опыты исканія истины частными лицами и потому-де въ нихъ допустимы всякія мнѣнія. Какъ изучающіе свѣтскія науки, напр., математическія, имѣютъ уже готовыя аксіомы $(2 \times 2 = 4)$ и при своихъ изслѣдованіяхъ пользуются ими въ качествѣ непоколебимыхъ устоевъ, такъ съ таковыми же аксіомами, непоколебимыми устоями имѣютъ дѣло и профессора духовныхъ академій, разрабатывающіе православную богословскую науку, и касаться (авторъ, очевидно, хочетъ сказать „колебать“) дерзновенною рукою этихъ устоевъ (какъ святаго святыхъ) не могутъ“.

По поводу приведеннаго разсужденія мы должны прежде всего сказать, что авторъ „Отдѣльнаго мнѣнія“ намѣренно или ненамѣренно не захотѣлъ понять словъ „объяснитель-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ной записки". Тирада записки о свободѣ богословскаго изслѣдованія, какъ ясно для всякаго непредубѣжденнаго читателя, знакомаго съ положеніемъ богословской науки, написана ad hoc, имѣетъ въ виду положеніе, бывшее доселѣ. Проф. Голубевъ, полагаемъ, не станетъ отрицать, что доселѣ дѣйствительно существовало *излишнее* стѣсненіе свободы богословскаго изслѣдованія, и при томъ не въ области богословскихъ аксіомъ или устоевъ, а и въ вопросахъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ. Достаточно вспомнить запрещеніе систематизировать воззрѣнія противниковъ христіанства, требованіе опровергать ричліанство ученіемъ св. отцевъ, а ламаизмъ ученіемъ Св. Писанія, чтобы согласиться съ указаннымъ положеніемъ. Въ словахъ объяснительной записки о свободѣ богословскаго изслѣдованія прежде всего, конечно, имѣлось въ виду устраненіе подобныхъ излишнихъ, совершенно ничѣмъ не оправдываемыхъ, прямо вредныхъ для науки стѣсненій,—свобода въ такихъ вопросахъ, которые прямого и непосредственнаго отношенія къ „аксіомамъ" и „непоколебимымъ устоямъ" не имѣютъ.

Проф. Голубеву, можетъ быть, потому, что онъ не богословъ, повидимому, представляется, что все богословіе состоитъ изъ „аксіомъ" и „непоколебимыхъ устоевъ". А между тѣмъ въ дѣйствительности дѣло обстоитъ далеко не такъ. Въ богословской наукѣ есть множество такихъ вопросовъ, гдѣ „послушаніе вѣрѣ" остается совершенно не при чемъ, и гдѣ нельзя указать никакихъ разумныхъ основаній къ стѣсненію свободы изслѣдованія. Да и въ отношеніи того, что проф. Голубевъ разумѣетъ подъ богословскими аксіомами „послушаніе вѣрѣ", повидимому, допускаетъ бо́льшую свободу изслѣдованія, чѣмъ какая предоставлялась доселѣ. Излишнія стѣсненія, боязливость, привели только къ тому печальному факту, что многіе основные вопросы богословія у насъ остаются не уясненными, что „аксіомы" нерѣдко оказываются весьма темными теоремами. Мы говоримъ о

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

богодухновенности Св. Писанія, объ авторитетѣ преданія, объ искупленіи и т. д. Но никакой богословъ, вѣроятно, не будетъ отрицать, что твердаго и опредѣленнаго воззрѣнія на указанные вопросы въ нашей литературѣ нѣтъ,—и мы думаемъ, въ значительной мѣрѣ, именно потому, что недоставало той терпимости и уваженія къ мнѣнію, которыхъ желаетъ „объяснительная записка". Богословская наука у насъ разрабатывается главнымъ образомъ въ магистерскихъ и докторскихъ диссертаціяхъ. Но кто писалъ диссертацію на ученую степень, тотъ не рисковалъ браться за наиболѣе важные богословскіе вопросы, такъ какъ неосторожное выраженіе, сомнительная частная мысль, вполнѣ естественныя при обсужденіи богословскихъ тонкостей, могли лишить автора искомой степени. Отсюда получилось, что наша богословская литература загромождена біографіями церковныхъ дѣятелей, изданіями актовъ, документовъ и историко-археологическими изслѣдованіями, а по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ въ ней нельзя найти ничего. Отсюда получилось то, что, напр., по мнѣнію Высокопреосв. архіепископа Антонія (котораго, кстати сказать, проф. Голубевъ совершенно напрасно записалъ въ свои союзники), система православнаго богословія есть нѣчто искомое. Отсюда вышло, что проф. Голубевъ ратуетъ за сохраненіе вѣковыхъ традицій Кіевской Академіи и „началъ, которыя съ основанія неизгладимыми буквами начертаны на ея стѣнахъ", а другіе, не менѣе проф. Голубева православные богословы, склонны думать, что именно эти вѣковыя традиціи и начала помутили у насъ чистое православіе и приблизили его къ католичеству.

Къ сказанному должно добавить, что проф. Голубевъ несправедливо набрасываетъ тѣнь на вырабатывавшую проектъ комиссію, утверждая, будто въ своихъ пожеланіяхъ свободы изслѣдованія, она считаетъ допустимыми *всякія* мнѣнія, и совершенно напрасно читаетъ ей наставленія о не-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

обходимости соединять въ богословскомъ изслѣдованіи свободу съ послушаніемъ вѣрѣ. Въ „объяснительной запискѣ“ комиссіи говорится не о „всякихъ“ мнѣніяхъ, а о такихъ только, которыя явились *„плодомъ добросовѣстной работы, удовлетворяющей требованіямъ строго научнаго метода“*. Такое ограниченіе свободы мнѣнія включаетъ въ себя то требованіе, о которомъ напоминаетъ проф. Голубевъ, т. е. требованіе соединять свободу изслѣдованія съ послушаніемъ вѣрѣ.

Для подкрѣпленія своихъ намековъ на особый духъ проекта новаго академическаго устава составитель разсматриваемаго нами отдѣльнаго мнѣнія считаетъ нужнымъ характеризовать кратко ту среду, изъ которой вышелъ проектъ. Безъ сомнѣнія, съ этой именно цѣлью онъ указываетъ на замѣчаемую имъ въ корпораціи Кіевской Академіи *шаткость религіозныхъ началъ православной церкви*. „Въ основѣ сужденій преосв. Антонія“, говоритъ проф. Голубевъ объ извѣстной запискѣ Волынскаго архіепископа, „есть не мало правды даже по отношенію къ нашей Академіи. Правда эта—замѣчаемая *шаткость религіозныхъ началъ православной церкви*“. „Факты, продолжаетъ онъ, „не должны быть *замалчиваемы*, въ особенности, если дѣло касается такого важнаго предмета, какъ будущее дорогихъ для насъ учрежденій. Въ подтвержденіе сказаннаго (объ упомянутой шаткости) мы позволимъ себѣ привести слѣдующій хорошо извѣстный большинству членовъ Совѣта фактъ.

Одинъ изъ студентовъ нашей Академіи подалъ въ качествѣ кандидатской диссертаціи сочиненіе подъ заглавіемъ: „Обличеніе штундизма“. Сочиненіе оказалось очень хорошимъ. Я далъ о немъ высокопохвальный отзывъ и рекомендовалъ его къ печати. Совсѣмъ иной отзывъ данъ былъ другимъ профессоромъ; онъ забраковалъ сочиненіе и не призналъ его заслуживающимъ степени кандидата — — — *потому*,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

что оно, яко-бы не православно. Почему не православно? Да потому, что авторъ источниками православнаго вѣроученія признаетъ не только Св. Писаніе, но и Св. преданіе"!!.. Заявивъ объ этомъ фактѣ и справедливо опасаясь, что многимъ онъ можетъ показаться подозрительнымъ, проф. Голубевъ продолжаетъ: „фактъ поистинѣ удивительный, но вполнѣ достовѣрный. Спрашивается, сколько почтенный профессоръ долженъ былъ выпить воды „отъ чуждыхъ студенецъ", чтобы довести свою голову до забвенія азбучныхъ истинъ православнаго вѣроученія, и какъ такое потемнѣніе должно было отражаться на его ученой и въ особенности преподавательской дѣятельности?!! (разумѣется, студентъ кандидатскую степень получилъ и сочиненіе его было напечатано. Профессоръ долженъ былъ переписать свою рецензію) [1]).

Считаемъ нужнымъ по поводу приведенной тирады „отдѣльнаго мнѣнія" сказать слѣдующее.

Авторъ отдѣльнаго мнѣнія желаетъ указать недугъ современной Кіевской Академіи. Но во свидѣтельство этого недуга онъ, *предусмотрительно умалчивая объ этомъ*, указываетъ фактъ, относящійся къ 1889 г., т. е. къ тому давнему времени, когда въ составѣ корпораціи Кіевской Академіи не было почти половины нынѣшнихъ ея членовъ. Въ болѣе далекомъ прошломъ Академіи, въ тѣхъ временахъ, къ подражанію которымъ призываетъ авторъ въ концѣ отдѣльнаго мнѣнія, можно было бы, смѣемъ думать, набрать множество фактовъ, свидѣтельствующихъ не только о шаткости православныхъ началъ, а и о прямомъ отступленіи отъ православія. Но только какое же отношеніе имѣетъ это къ настоящей корпораціи, изъ среды которой вышелъ проектъ новаго устава?

[1]) Труды К. Д. А. 1906 г. авг.—сент., стр. 262—263 прил.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Затѣмъ, не касаясь пока точности передачи проф. Голубевымъ „удивительнаго“ факта, мы должны сказать, что во всѣхъ отношеніяхъ фактъ говоритъ противъ „отдѣльнаго мнѣнія“. „Фактъ“ свидѣтельствуетъ только о томъ, что тѣ старыя положенія, которыя отстаиваетъ проф. Голубевъ, не достигали цѣли. Выходитъ, что даже въ 1889 году,—въ то время, когда старый академическій режимъ существовалъ въ полномъ блескѣ, а начальственная опека надъ академической наукой была особенно бдительна,—даже въ это время возможны были случаи шатанія и колебанія. На что же можно надѣяться въ будущемъ? Кромѣ того, приведенный проф. Голубевымъ фактъ, если воспользоваться имъ безъ тенденціи, свидѣтельствуетъ не о шаткости и колебаніи корпораціи, а именно о томъ, что академическая корпорація въ цѣломъ является достаточной гарантіей неприкосновенности основъ. Появился нетвердый въ православіи человѣкъ, и тотчасъ же нетвердость его была замѣчена,—и при томъ не однимъ проф. Голубевымъ, а и всѣмъ Совѣтомъ. Казалось бы, и для будущаго нечего желать лучшаго. Отдѣльные случаи въ родѣ отмѣченнаго всегда будутъ возможны, и ихъ не предотвратишь никакими уставами. Что касается въ частности Кіевской Академіи, то ее проф. Голубевъ въ своей запискѣ скорѣе ужъ могъ бы упрекнуть не въ колебаніи и шатаніи религіозныхъ началъ, а въ излишнемъ ригоризмѣ: напр., сочиненіе М. А. Олесницкаго она признала протестантскимъ, хотя самъ проф. Голубевъ промовировалъ его въ другой Академіи, хотя въ сочиненіи не нашли ничего неправославнаго ни рецензенты Петербургской Академіи, ни самъ Св. Синодъ...

Но къ сказанному мы должны еще добавить, что выставленный въ „отдѣльномъ мнѣніи“ „удивительный“ фактъ изъ прошлаго Кіевской Академіи вышелъ удивительнымъ главнымъ образомъ потому, что авторъ отдѣльнаго мнѣнія сильно его пріукрасилъ и, можно сказать, на половину дополнилъ. Въ приведенной выше тирадѣ изъ „отдѣльнаго

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

мнѣнія“ идетъ рѣчь о рецензіи покойнаго М. А. Олесницкаго на кандидатское сочиненіе студента выпуска 1889 г. И. Т., писанное на тему: „Обличеніе лжеученія штундистовъ“. „Я далъ о сочиненіи, говоритъ проф. Голубевъ, высокопохвальный отзывъ и рекомендовалъ его къ печати“. Справляемся въ рецензіи проф. Голубева, напечатанной въ Журналахъ Совѣта Кіевской Академіи за 1889 г.,—и оказывается, прежде всего, что отзывъ не былъ высокопохвальнымъ; послѣ нѣсколькихъ строкъ шаблонныхъ похвалъ, проф. Голубевъ писалъ: „сочиненіе (И. Т.) можетъ считаться хорошимъ и даже очень хорошимъ“ и отмѣтилъ его балломъ (четыре), которымъ отмѣчается обыкновенно добрая половина студенческихъ работъ. „Совсѣмъ иной отзывъ данъ былъ другимъ профессоромъ (М. А. Олесницкимъ): онъ забраковалъ сочиненіе и не призналъ его заслуживающимъ степени кандидата—потому, что оно яко-бы не православно“. Справка съ рецензіей проф. М. А. Олесницкаго опять показываетъ, что сообщеніе „отдѣльнаго мнѣнія“ въ данномъ пунктѣ не точно. М. А. Олесницкій не забраковалъ сочиненія, а только не призналъ его „выдающимся“ и даже прямо назвалъ его „посредственнымъ“, оцѣнивъ балломъ три. При этомъ онъ принялъ во вниманіе не только вѣроисповѣдную сторону сочиненія, но и чисто научные недостатки, на которые прежде всего въ рецензіи и указывается, и во вниманіе къ которымъ Совѣтъ нашелъ нужнымъ нѣсколько понизить поставленный проф. Голубевымъ баллъ. Заблужденіе М.А. Олесницкаго относительно православія, какъ мы видѣли, проф. Голубевъ представляетъ очень наивнымъ, излагая дѣло такъ, будто М. А. забылъ азбучныя истины православнаго вѣроученія и не зналъ того, что источникомъ вѣроученія Православной Церкви является на ряду съ Св. Писаніемъ и Св. Преданіе. Имѣющіяся въ виду въ данномъ случаѣ подлинныя слова М. А. Олесницкаго, опущенныя въ напечатанной рецензіи, таковы:

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

„Излагая православное ученіе о Словѣ Божіемъ сравнительно съ лжеученіемъ объ этомъ предметѣ штундистовъ, авторъ (И. Т.) проводитъ неправильный взглядъ на св. Писаніе и свящ. Преданіе. Назвавши „Словомъ Божіимъ“ какъ Св. Писаніе, такъ и Свящ. Преданіе,—между тѣмъ штундисты, говоритъ онъ, называютъ Словомъ Божіимъ только Св. Писаніе (по вѣдь и въ самомъ дѣлѣ „Словомъ Божіимъ“ слѣдуетъ называть, да и называется у насъ, только Св. Писаніе; Преданіе же называется словомъ Церкви), и задавшись цѣлію показать важность Свящ. Преданія, отвергаемаго штундистами, авторъ преувеличилъ значеніе Преданія и этимъ преувеличеніемъ причинилъ существенный ущербъ Свящ. Писанію. Во-первыхъ, преданіе является у него такимъ же откровеннымъ ученіемъ, какъ и Писаніе, совершенно уравнивается съ нимъ. Во-вторыхъ, дѣло представляется у него въ такомъ видѣ, будто часть догматическихъ и нравственныхъ истинъ извѣстна намъ изъ Писанія, а часть изъ Преданія. Напр., на стр. 97 онъ выражается, что „письменно изложена только часть спасительнаго ученія Іисуса Христа, а другая передана устно“. Слѣдов., не будь у насъ Преданія, тогда половина догматическихъ и нравственныхъ истинъ была-бы неизвѣстна намъ (ср. стр. 102). Оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ говоритъ, что при одномъ Писаніи, безъ Преданія, невозможна христіанская жизнь; такъ, напр., говоритъ онъ: „мы видимъ, что у протестантовъ есть прекрасныя проповѣди, но жизни христіанской нѣтъ“ (ср. 102 стр.). Сужденіе, очевидно, несправедливое, преувеличенное. Для подтвержденія своего взгляда авторъ ссылается на такія мѣста Свящ. Писанія, каковы, напр.: „суть же ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню міру вмѣстити пишемыхъ книгъ“ (Іоан. 21, 25). Но мѣста эти объясняются авторомъ неправильно, изъ нихъ нельзя дѣлать тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ авторъ, т. е. будто Писаніе содержитъ не все существенно необходимое для христіанской жизни и спасенія. И если-бы стоять на точкѣ зрѣнія автора, то надо сказать, что и Преданіе неполно, такъ какъ не только написать, но и пересказать нельзя всего того, „яже сотвори Іисусъ“; а отсюда слѣдовало-бы, что есть христіанскія истины совершенно неизвѣстныя намъ (вслѣдствіе неполноты, какъ Писанія, такъ и Преданія). Или вотъ соображеніе автора: ап. Павелъ, говоритъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

онъ, проповѣдывалъ ефесянамъ, какъ извѣстно изъ книги Дѣяній апостольскихъ, три года, между тѣмъ Посланіе къ ефесянамъ состоитъ только изъ трехъ (sic) краткихъ главъ; очевидно, умозаключаетъ авторъ, не все апостольское ученіе вошло въ Писаніе (99). А это даетъ автору право преданіе уравнивать по достоинству съ Писаніемъ и смотрѣть на нихъ, какъ на двѣ совершенно равныя части цѣлаго. Конечно, увлеченіе автора въ пользу преданія объясняется полемикой его съ штундистами; но есть также основаніе предполагать, что у автора не совсѣмъ правильный взглядъ на Свящ. Писаніе и Свящ. Преданіе и отношеніе между ними.

Приведенная тирада, конечно, нуждается въ поправкахъ; но для всякаго видно, что здѣсь дѣло вовсе не въ наивномъ забвеніи азбучныхъ истинъ, и „студенцы чуждіи“ упоминаемые проф. Голубевымъ, тутъ не при чемъ.

Какъ бы то ни было, изъ сказаннаго достаточно, полагаемъ, ясно, что составитель отдѣльнаго мнѣнія не имѣлъ права пользоваться отмѣченнымъ фактомъ такъ, какъ онъ воспользовался, и оповѣщать на основаніи этого факта urbi et orbi о замѣчаемой имъ шаткости религіозныхъ началъ въ корпораціи Кіевской Академіи... „Факты“, говоритъ наставительно по нашему адресу проф. Голубевъ, „не должны быть замалчиваемы, въ особенности, если дѣло касается такого важнаго предмета, какъ будущее дорогихъ для насъ учрежденій“. А мы на основаніи всего изложеннаго позволили бы себѣ къ этому добавить: но факты не должны быть и измышляемы или преувеличиваемы,—въ особенности когда дѣло идетъ о будущемъ дорогихъ для насъ учрежденій или о памяти нашихъ почившихъ сотоварищей.

Второй пунктъ, въ которомъ проектъ новаго устава противорѣчитъ будто-бы „началамъ“ проф. Голубева, касается лицъ, поступающихъ въ Академію. Но и здѣсь трудно понять, чего собственно, по мнѣнію составителя „отдѣльнаго мнѣнія“, не достаетъ проекту. Самъ авторъ „отдѣльнаго мнѣнія“ высказываетъ пожеланіе, чтобы Академіи прежъ-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

де всего удовлетворяли потребности въ просвѣщенныхъ пастыряхъ, наставникахъ духовныхъ школъ и другихъ въ духѣ православія воспитанныхъ дѣятелей по духовному вѣдомству. И проектъ устава никоимъ образомъ не идетъ противъ этого: по ст. 1 проекта, задача Академіи состоитъ въ разработкѣ богословской науки и въ томъ, чтобы „доставлять высшее богословское образованіе для просвѣщеннаго служенія Церкви на пастырскомъ, учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности“. Далѣе проф. Голубевъ подчеркиваетъ чрезвычайную важность того, чтобы „лица, поступающія въ православныя духовныя академіи, были *родственны* имъ по своему міросозерцанію и нравственному облику“. И это подчеркиваніе, если оно направляется противъ составителей проекта, совершенно излишне, потому-что въ объяснительной запискѣ къ проекту именно идетъ рѣчь о предоставленіи доступа въ академію тѣмъ, „кто вѣруетъ въ силу Православной Церкви, кому дорога Христова истина“. Отсюда замѣчаніе проф. Голубева, будто съ точки зрѣнія проекта новаго устава „не можетъ быть и рѣчи о томъ, съ какимъ разборомъ принимать къ Академію студентовъ и вольнослушателей“, является просто какимъ-то намекомъ, не вызываемымъ ни объяснительной запиской, ни проектомъ устава.

Кромѣ отмѣченныхъ разсужденій по поводу главныхъ пунктовъ проекта устава, „въ Отдѣльномъ мнѣніи“ проф. Голубева затрогивается еще одно частное положеніе проекта,—именно положеніе объ участіи въ засѣданіяхъ Совѣта доцентовъ Академіи и исправляющихъ должность доцента. Составители проекта высказались *за участіе* названныхъ лицъ въ засѣданіяхъ Совѣта наравнѣ съ профессорами. Авторъ отдѣльнаго мнѣнія усматриваетъ въ этомъ „глубокое, прямо бросающееся въ глаза“ противорѣчіе устава. Противорѣчіе заключается, будто-бы, въ томъ, что охраняя авторитетъ должности ректора требованіемъ отъ ректора докторской сте-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

пени, проектъ устава въ то же время унижаетъ авторитетъ высшей академической инстанціи—Совѣта, такъ-какъ въ составъ его включаетъ и младшихъ преподавателей, т. е. доцентовъ и и. д. доцента. „Замѣчательно“, говоритъ проф. Голубевъ, „что всѣ, положительно всѣ, университеты,— новосоставляемыми автономными уставами которыхъ составители проекта иногда пользовались, исключили изъ состава Совѣта младшихъ преподавателей и штатныхъ доцентовъ и исключили именно потому, чтобы охранить авторитетность Совѣта“.

По поводу приведенныхъ соображеній мы, прежде всего, не можемъ не вспомнить, съ какой горячностью нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ „Отдѣльнаго мнѣнія“, тогда приближавшійся къ двадцатичетырехлѣтію своего доцентства, отстаивалъ права доцентовъ. Tempora mutantur et nos in illis... Что касается настоящихъ рѣчей проф. Голубева о доцентахъ и и. д. доцента, то онѣ менѣе насъ убѣждаютъ. Мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ присутствіе въ Совѣтѣ доцентовъ и и. д. доцента можетъ умалять авторитетъ Совѣта. Ссылка автора „Отдѣльнаго мнѣнія“ на примѣръ университета не имѣетъ значенія для академій. Непопущеніе въ Совѣтъ младшихъ преподавателей университета еще можетъ быть понято. Университетскія корпораціи настолько многочисленны, что включеніе младшихъ преподавателей въ число членовъ Совѣта сдѣлало бы университетскіе совѣты учрежденіемъ крайне громоздкимъ и потому не удобнымъ. Въ Совѣтѣ, напр., Кіевскаго университета было-бы тогда, если не ошибаемся, не менѣе 200 членовъ: трудно было-бы обсуждать ученые вопросы въ такомъ многолюдномъ собраніи. Въ академіяхъ ничего подобнаго нѣтъ. Затѣмъ университетскіе младшіе преподаватели (приватъ-доценты) по своему положенію не могутъ быть сравниваемы съ академическими доцентами и и. д. доцента. Это люди, читающіе обыкновенно приватные курсы, часто только

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

числящіеся въ университетѣ и иногда живущіе даже въ другомъ городѣ. Академическіе же младшіе преподаватели по своимъ обязанностямъ совершенно не отличаются отъ профессоровъ: они избираются корпораціей, преподаютъ самостоятельные предметы, читаютъ ученыя диссертаціи, рецензируютъ студенческія сочиненія и производятъ экзамены. Не естественно-ли, что, при совершенной одинаковости обязанностей, они должны имѣть и одинаковыя съ профессорами права въ Совѣтѣ? Вѣдь странно въ самомъ дѣлѣ: допускать человѣка къ важнѣйшей изъ академическихъ обязанностей— къ преподаванію, и даже иногда къ преподаванію главнѣйшихъ предметовъ, и въ то же время возставать противъ допущенія того же человѣка къ обсужденію вопроса о томъ, перевести-ли *А.* на слѣдующій курсъ или нѣтъ, дать-ли стипендію *В.*, присудить-ли полную или половинную премію *Д.* Еще страннѣе: поручить доценту разсмотрѣніе диссертаціи, заставить его оппонировать на диспутѣ, и затѣмъ при окончательномъ рѣшеніи вынесеннаго имъ на своихъ плечахъ дѣла лишить его возможности высказаться, лишить права голоса! Желать сохраненія указанныхъ странностей стараго академическаго устава, конечно, можно; но только опасеніе „бьющихъ въ глаза противорѣчій“ и боязнь за авторитетъ Совѣта тутъ не при чемъ; истинные мотивы подобныхъ желаній, думаемъ, совершенно другіе, и составители „Отдѣльнаго мнѣнія“ напрасно не говорятъ объ нихъ прямо.

Свои возраженія противъ составленнаго Комиссіей проекта устава проф. Голубевъ заканчиваетъ ходатайствомъ предъ высшей церковной властью. „Славное, почти трехвѣковое прошлое нашей Almae Matris“, говоритъ проф. Голубевъ, „даетъ намъ дерзновеніе обратиться къ высшей церковной власти съ просьбой, чтобы при реформѣ Академій для Кіевской Академіи сдѣлано было исключеніе, пре-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

доставлено было право выработать свой собственный уставъ, который находился-бы въ согласіи съ вѣковыми традиціями и тѣми началами, которыя съ основанія неизгладимыми буквами начертаны на ея стѣнахъ, и наша дорогая Alma Mater могла-бы явиться на свой трехвѣковой юбилей въ собственномъ своемъ, а не чуждомъ ей одѣяніи".

Приведенное ходатайство является въ „Отдѣльномъ мнѣніи" довольно неожиданно, и объяснить его можно только желаніемъ автора еще разъ подчеркнуть особый духъ проекта. Проектъ, однако, ничѣмъ, повидимому, не вызвалъ ходатайства проф. Голубева. Составителямъ проекта ужъ, конечно, не менѣе, чѣмъ проф. Голубеву, дорога Alma Mater, и они не менѣе, чѣмъ онъ, желали-бы, чтобы Кіевская Академія дождалась своего трехвѣкового юбилея и явилась на него „въ собственномъ одѣяніи". Но только, по мнѣнію составителей проекта, одѣяніе Академіи не станетъ „чуждымъ" оттого, что въ академическомъ уставѣ будутъ сдѣланы намѣченныя въ проектѣ измѣненія. Вѣковыя традиціи и начала, о которыхъ съ такимъ чувствомъ говоритъ авторъ „Отдѣльнаго мнѣнія", конечно, весьма почтенны и достойны всяческаго уваженія. Но это отнюдь не значитъ, что старина должна на вѣки оставаться неприкосновенной и во всѣ времена копироваться съ буквальной точностью. Иначе, чтобы быть послѣдовательными, проф. Голубеву и его союзникамъ придется ратовать, пожалуй, за возстановленіе старой академической розги.

Вл. Рыбинскій.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua